

иллюстрации Виктора Янаева



+1 Like



+1 Like

Наталия Соломко

**Если бы
я был учителем**



+1 Like

Одноклассники. Выбор читателя

Наталия Соломко

Если бы я был учителем

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 82-3-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соломко Н. З.

Если бы я был учителем / Н. З. Соломко — «РИПОЛ Классик»,
2015 — (Одноклассники. Выбор читателя)

ISBN 978-5-386-08544-5

Как же иногда бывает тяжело учиться в школе. Не потому что знания даются с трудом, а потому что учителя постоянно требуют: ты должен ответить урок, ты не должен думать так, ты должен думать по-другому... Ох, как же устал Андрей от этого. Вот если бы он был учителем, все бы, конечно, сделал иначе. В этой книге вы прочитаете две повести Наталии Соломко – «Если бы я был учителем» и «Белая лошадь – горе не мое» – о любви, смысле жизни и чести.

УДК 82-3-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-08544-5

© Соломко Н. З., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Белая лошадь – горе не моё	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наталия Соломко

Если бы я был учителем

(сборник)



Белая лошадь – горе не моё

*Владиславу Крапивину,
первому учителю, другу детства*

Нынче утром учитель географии лез в школу через окно в туалете. Хорошо, никто не видел. Положение было совершенно безвыходное: он опаздывал на урок, а в дверях школы стояла новенькая техничка и без сменной обуви никого не пускала.

– Здравствуйте, – кивнул ей Александр Арсеньевич, мчась мимо (надо ведь ещё было успеть в учительскую за журналом), а она ухватила его за рукав и закричала:

– Куда без обуви?!

К счастью, все порядочные ученики (не говоря уже об учителях) в этот момент находились в классах, никто не слышал, как учитель географии пытался доказать, что он учитель...

– Ишь ты – «учитель»! – кричала техничка. – Видала я вас, таких учителей, перевидала! Вот сведу тебя, хулигана, к директору, он тебе покажет, как над старшими смеяться!.. Шпендрик!

Александр Арсеньевич действительно выглядел несолидно: маленький, лёгкий, узкоплечий, уши торчат, торчит хохол на затылке... Мальчик. Школяр. Ученик девятого класса – и это в лучшем случае! Сигареты, правда, продают, но на фильм «детям до шестнадцати» нечего и думать пройти без паспорта...

А тут ещё из переулка выбежали Петухова Юля из десятого «А» и Петухов Женья из шестого «Б», и Александр Арсеньевич позорно отступил. То есть просто убежал. Вовсе не обязательно Петухову Жене знать, что классного руководителя принимают за мальчишку. А уж Петуховой Юле знать такие унижительные подробности его жизни тем более ни к чему!

Александр Арсеньевич лез через окно в туалете и клял судьбу: это же надо уродиться таким, когда кругом акселерат на акселерате сидит и акселератом погоняет... Летом вот усы пробовал отрастить. Стало ещё смешнее: мальчик с усами. И усы какие-то... Чёрт знает какие! Отец хохотал. А мама сказала, что ей нравится (и на отца посмотрела строго: не смей травмировать ребёнка). В общем, ясно было: лучше усы эти сбрить и не смешить народ...

Александр Арсеньевич пугливо выглянул из туалета в коридор. Звонок уже прозвенел, в коридоре было пусто.

По лесенке он нёсся через две ступеньки. Завуч, Лола Игнатьевна, поджидавшая опоздавших на площадке меж первым и вторым этажами, выговорила ему суровым басом:

– Скверно, уважаемый Александр Арсеньевич, скверно!

«Белая лошадь – горе не моё!» – пробормотал про себя Александр Арсеньевич магическое заклинание, с детства отводившее от него несчастья большие и малые.

Его один замечательный человек научил: «Плохо тебе, а ты возьми и скажи быстренько (но так, чтоб никто не слышал): “Белая лошадь – горе не моё!” – и всё пройдёт!» И проходило. Но нынче заклинание не сработало: несчастья не кончились. То есть с уверенностью можно сказать, что они только начинались.

И не то чтобы это был рок, недремлющая злая судьба, когда живёт человек тихо, никого не трогает, а несчастья на него валятся и валятся... В случае с Александром Арсеньевичем всё было иначе: несчастья валились на других, а Александр Арсеньевич добросовестно под них подставлялся. А когда человек сам подставляется, его никакие заклинания не спасут.

Нынче утром несчастье свалилось на девятого «В». К Александру Арсеньевичу оно не имело ни малейшего отношения, ведь это не Александр Арсеньевич сбежал вчера с биологии,

это девятый «В» сбежал и теперь пребывал в угрюмстве, чуя миг расплаты. Но Александр Арсеньевич и тут вмешался... Короче говоря, произошло следующее...

– Бессовестные! – с порога выкрикнула Бедная Лиза. Прекрасные серые глаза молоденькой классной руководительницы были зарёваны, потому что за проделки учеников попадает сначала их наставникам. – Бессовестные! Бессовестные!

– Так, Елизавета Георгиевна... – загудел девятый «В».

– Молчите лучше, бессовестные! Слушать ничего не хочу! – Она жалобно взглянула на Александра Арсеньевича. – Саня, ты знаешь, что они творят?!

Но что они творят, сообщить не успела, потому что в дверь властно постучали. Это пришла сама Лола Игнатьевна.

– Извините, Александр Арсеньевич, – произнесла она, карающе оглядывая бессовестный девятый «В», – но у нас произошло ЧП, и я бы сказала попросту – неслыханное безобразие!

Лола Игнатьевна была заместителем директора по воспитательной работе, то есть как раз специалистом по «неслыханным безобразиям» и ЧП, специалистом крупным и виртуозным. Александр Арсеньевич понял, что урока не будет (Лола Игнатьевна занималась воспитанием, не жалея времени), вздохнул и отошёл к окну.

– Итак, кто был организатором вчерашнего безобразия? – сурово спросила Лола Игнатьевна.

Девятый «В», естественно, хранил гордое молчание. Только Боря Исаков пробормотал довольно внятно:

– Фуэнте Овехуна...

– Исаков, меня сейчас не интересует степень твоей образованности. О пьесе великого испанского драматурга Лопе де Вега мы с тобой побеседуем в другой раз. Ситуация, описанная им, не может иметь места в средней школе. Инициаторов придётся назвать. Ну?

Но девятый «В» инициаторов не называл, молчал, и всё тут.

– Бессовестные! Бессовестные! – с отчаянием сказала Бедная Лиза. – Натворили – и в кусты! Я бы с вами в разведку не пошла!

– Может, хватит оскорблять? – возмутились с задней парты.

– Семёнов! Слушать правду, по-твоему, оскорбительно? – грозно удивилась Лола Игнатьевна.

Семёнов стоял у парты, сунув руки в карманы, и дерзко молчал.

– Семёнов, я с кем разговариваю? Быстро вынь руки из карманов!

Семёнов вынул руки из карманов и снова надерзил:

– А может, я бы тоже с Елизаветой Георгиевной в разведку не пошёл, ну и что?

– Семёнов, я гляжу, ты разговорился.

– Сами спрашивали.

– Семёнов, я не об этом спрашивала. Я спрашивала...

– Простите, Лола Игнатьевна, – вмешался Боря Исаков. – Но может быть, имеет смысл спросить у нас не о том, кто это сделал, а о том, почему мы это сделали?

Исаков Боря был страстным борцом за справедливость. Поэтому Бедная Лиза поспешно сказала:

– Боря, объяснишь, когда спросят! – Она знала, что если дать Боре заговорить, то это чрезвычайно всё усложнит.

Боре не скажешь: «А ну прекрати грубить и дай дневник!» – чем обычно и кончается в школе борьба за справедливость.

Боря был интеллигентнейший, начитаннейший юноша. Он всё знал. Он был не просто круглый отличник, он был вундеркинд, вежливо скушающий на уроках. Победитель всех мыслимых олимпиад, гордость школы – вот кто был Боря Исаков.

Ни один конфликт между учеником и учителем в девятом «В» не обходился без Бориного участия. Боря всегда был готов объяснить учителям, что они в данном случае не правы (что учителям, разумеется, не всегда нравилось). Но спорить с Борей было трудновато: он имел скверную привычку ссылаться на авторитеты. «Вы полагаете? – спросит он, выслушав. – А вот Макаренко в этом вопросе с вами бы не согласился. Он по этому поводу говорил следующее...» (и можно не сомневаться, что Макаренко это действительно говорил), а то ещё процитирует Декларацию прав человека или Устав средней школы. И бог с ней, с Декларацией, но уж с Уставом-то хочешь не хочешь приходится считаться! Поэтому побаивались Борю учителя. Но не Лола Игнатьевна, которая вообще никого и ничего не боялась.

– Хорошо, Исаков, – согласилась она. – Если ты настаиваешь, начнём с вопроса, почему вы устроили это безобразие. Я слушаю.

– Прежде всего не надо спешить с определениями, – сказал Боря. – Безобразие, на наш взгляд, не было. Вернее, было, но не с нашей стороны... – тут Боря замолк, ожидая возражений.

По всему было видно, что Бедной Лизе возразить очень хочется: мол, а с чьей же это стороны они были, Боря? Но она не решается, потому что вот ведь Лола Игнатьевна молчит, не возражает...

– Продолжай, Исаков, – величественно кивнула та, – я слушаю тебя с неослабевающим интересом.

– Безобразие было со стороны Ляли Эдуардовны...

– Боря, не заговаривайся! – не выдержала всё-таки Бедная Лиза. По молодости она была склонна к мгновенным и бурным реакциям.

– Ляля Эдуардовна оскорбила класс. Она обозвала Соколова придурком...

– Не может быть! – ахнула Бедная Лиза.

– Что, вот так, ни с того ни с сего, взяла и обозвала? – деловито поинтересовалась Лола Игнатьевна, которая не обладала наивностью молодой учительницы и знала, что в жизни всё может быть.

– То, что человек не выучил урока, не даёт никому права оскорблять его, – вежливо сказал Боря.

– А Соколов имел право приходить на урок не подготовившись? А, Соколов?

– Ну не имел... – вздохнул Соколов.

– Без «ну», Соколов.

– Ну без «ну» не имел...

– Соколов, не паясничай!

– Ну не буду...

Девятый «В» неуверенно засмеялся.

– Пороть вас надо, – улыбнулась и Лола Игнатьевна. – Ведь если бы сами вы были во всём безупречны, тогда другое дело. А то – рыльце в пушку, а они бьют себя кулаком в грудь: «Ах, нас оскорбили!» Не вынуждайте! Занимайтесь своим делом – учитесь, не так уж много от вас требуется... В общем, так решаем: завтра извинитесь перед Лялей Эдуардовной, и будем считать...

– Простите, – твёрдо сказал Боря, – но это не выход. Пусть Ляля Эдуардовна извинится перед Соколовым. Иначе мы не будем посещать её уроки. Мы так решили и просим передать наше решение директору.

Стало очень тихо. Слышно было, как в соседнем классе стучат мелом по доске, торопливо пишут...

– Кто это – «мы»? – спросила Лола Игнатьевна раздражённо. – Не слишком ли много ты на себя берёшь, Исаков? Выйди из класса и без родителей не появляйся.

Лола Игнатьевна подождала, когда за изгнанником закроется дверь, и повернулась к оставшимся:

– Бунтовать будем?

Девятый «В» подавленно молчал.

– На что рассчитываете, Фуэнте Овехуна? Или никто в институт поступать не собирается? А? Или вы полагаете, что вас туда возьмут с плохими характеристиками?

– А чего вы сразу характеристиками запугиваете? – возмутился дерзкий Семёнов. Он в институт не собирался и потому мог себе это позволить.

– Я не запугиваю, Семёнов. Я объясняю. Вот закончите школу – делайте что хотите. А пока вы ученики – будьте добры подчиняться и делать то, что вам велят!

Вот до этого самого момента Александр Арсеньевич вёл себя правильно: сидел на подоконнике, хмурился и молчал. Хмурость его девятый «В» мог истолковать себе так: действительно, распоясались совершенно! Слова им не скажи. Ну ничего, сейчас мы поглядим, как они мне отвечать будут. А завуч так: интересно, почему подобные вопросы надо выяснять у меня на уроке?! И так кот часов наплакал, дай бог с программой справиться... Неужели нельзя было сделать это после занятий?

Но Александр Арсеньевич, как выяснилось, хмурился по другой причине.

А выяснилось это, когда он вдруг поднялся с подоконника и сказал:

– Лола Игнатьевна, а стоит ли так? Ведь класс, в сущности, прав...

Лола Игнатьевна окаменела. Бедная Лиза охнула и зажала рот ладошкой. Девятый «В», затаив дыхание, стоял у парт и глядел во все глаза...

– Я устала от ваших диких выходов, – сказала ему Лола Игнатьевна. – Вот в понедельник выйдет с больничного директор, пусть он сам с вами разбирается...

На душе у молодого учителя стало нехорошо, тревожно как-то, и после уроков он пошёл бродить по городу.

В городе была осень. Уже темнело рано, и с сумраком становилось зябко. И листья падали всё чаще. Скоро, скоро опадут они совсем, и дворники вздохнут и примутся за работу... И всё-таки осень ещё была похожа на лето: славная, тёплая, зелёная, с птицами на ветках. Вот и потянуло Саню (а за пределами школы Александр Арсеньевич был не Александр Арсеньевич, а просто Саня; может быть, он и в пределах был Саня, но положение обязывало) в улочки и переулки, бродить, думать о непутёвой своей жизни и несерьёзной науке, преподаванию которой он себя посвятил...

Уроки в школе бывают серьёзные и несерьёзные, это все знают. Серьёзные – это по которым задают домашнее задание письменно и всё время проверяют. А когда домашнее задание задают устно и проверяют не всегда, то это – несерьёзные... Хорошо быть учителем по «серьёзному» предмету, по алгебре, химии, физике!... Сколько опасного и непостижимого таят в себе эти науки! Например, кроме параграфов в учебнике, надо ещё решать всякие ужасные задачи и уравнения. Тетради, конечно, собирают редко, но зато в любой момент могут вызвать к доске. Поэтому, чтобы избежать двойки, необходимо если не выполнить задание дома, то хотя бы списать на перемене. А это, сами понимаете, дисциплинирует характер и воспитывает ум в уважении к науке... Куда там «несерьёзным» предметам! Истории, например. Там главное успеть заглянуть в учебник, что там у них происходило в стародавние времена... Так, отрубили королю голову! Правильно сделали, так ему и надо, не будет угнетать! А в каком году это случилось, кто-нибудь подскажет... Ну а уж с географией и вовсе всё просто, чего там учить! На карте всё нарисовано и написано. Это во-первых! А во-вторых, нужна нам эта география, честно говоря! Зачем её учить, когда мы по телевизору и так всё видали? Разве это наука?! Ведь всё давным-давно открыто, описано, занесено на карты... Вот попробуй, ответь им, этим ехидным и упрямым существам, именуемым учениками средней школы...

Уже стемнело, когда он подошёл к дому. На углу, как всегда, торчал трудный подросток Шамин с гитарой и сигаретой.

– Заработались, – глумливо сказал Шамин. – Поздненько возвращаетесь...

Саня не счёл нужным ответить.

В подъезде, на подоконнике, были горой свалены пакеты с крупой и консервные банки, рядом сидели Санины ученики: Исупов Лёшка, похожий на большого плюшевого медведя, и маленький Женька Петухов, прозванный Кукарекой.

– А мы вас ждём-ждём... – сообщил Кукарека с укоризной. – Уже всё купили.

Исупов молчал и болтал ногами. Он молчал и хмурился с первого сентября, что было на него, известного шкоду и пересмешника, совсем не похоже.

– Пошли, – скомандовал Саня ученикам и достал ключ. – Только тихо, на цыпочках.

Но предосторожности были напрасны: дома уже ждали.

Скрестив руки на груди, стоял в коридоре суровый мужчина и, хоть роста он был небольшого и вышел по-домашнему, в шлёпанцах, вид имел величественный.

– Добрый вечер, папа, – сказал Саня.

– Здравствуйте, Арсений Александрович, – очень поспешно проговорили Лёшка и Кукарека.

– Здравствуйте, Исупов и Петухов, – грозным голосом отвечал Арсений Александрович. – Проходите, Александр, можно тебя на минуту?

Лёша и Кукарека юркнули в комнату классного руководителя и там вздохнули облегчённо. Арсения Александровича они боялись. И на то были причины...

– Сейчас опять ругать будут... – вздохнул Кукарека. Он свалил продукты на письменный стол и оглядел комнату.

Всё тут было знакомое, родное: вполовину собранный, огромный оранжевый рюкзак в углу, рядом со сломанным корабельным компасом, который, если постучать по нему как следует, почти точно показывает на север; стены, вместо обоев оклеенные картами с решительно прочерченными через материки и океаны маршрутами, а у двери, на гвоздике, старенькая штормовка, пахнувшая лесом и костром...

Меж тем в коридоре происходил бурный разговор. Говорили вполголоса, но слышно было хорошо. Особенно если прислушаться.

– Александр! У тебя три часа назад кончились занятия! Где ты был, Александр?!

– Гулял.

– Александр! У меня нет слов!

– Арсений, оставь мальчика в покое...

– Мама, тише, услышат. Я не мальчик!

– Нормально, – успокоился Кукарека. – Елена Николаевна дома, заступится.

Он снял башмаки, полез на диван, к карте Атлантики.

– Лёш, в треугольнике опять самолёт пропал, говорят...

– Отстань...

Исупов Лёша устроился на подоконнике, рядом с горой книг, тетрадей и атласов, и уставился в небо. Там носились какие-то птицы – голуби, что ли? – отсюда было не разобрать, а Лёша смотрел на них и думал: «Как им там, в небе? Хорошо? Не страшно?» Исупов Лёша и сам летал во сне, но с некоторых пор сны эти кончались плохо: небо вдруг переставало держаться, земля стремительно и страшно мчалась в лицо, Исупов кричал и будил брата Виталю... А потом они лежали в темноте и слушали, о чём говорят папа и мама в соседней комнате.

– Лёш, а говорят, это пришельцы из космоса их воруют...

– Отстань...



Кукарека отстал. Потому что наконец-то вернулся классный руководитель.

– Сильно попало? – с сочувствием спросил Кукарека.

– Сейчас чай пить будем, – сказал Саня и вздохнул.

Было ясно, что попало ему в самый раз, но распространяться на эту тему он не желает.

Нужно было идти на кухню – ставить чайник. В настоящий момент это было делом большого гражданского мужества: на кухне шёл очередной семейный совет.

Повестка дня: непутёвая жизнь Александра.

Присутствовали: Арсений Александрович – отец Александра, Елена Николаевна – мать Александра, дядя Вася и тётя Таня – близкие родственники, пришедшие в гости нарочно для того, чтобы наставить Александра на путь истинный.

Отсутствовал только сам Александр: гулял по городу. Гулял, вместо того чтобы готовиться к поступлению в аспирантуру. Гулял, вместо того чтобы прийти и выслушать, что думают о нём родители и родственники!..

Когда Саня вошёл, воцарилась осуждающая тишина.

– И вот так ежедневно! – произнёс Арсений Александрович, сына будто не замечая. – Реферат пылью оброс. После работы бродит. Читает чёрт знает что, только не то, что имеет отношение к его теме. Завтра суббота. Можете быть уверены – он с вечера уйдёт в лес и не вернётся до следующей ночи! Не знаю, как он мыслит своё поступление в аспирантуру! Не знаю, не знаю...

– Ну и ну! – дядя Вася, шурясь, оглядел с головы до ног непутёвого племянника. – Вырастили, что называется... Воспитывали, надеялись – а они в леса подались, а?! Что ты там делаешь в лесу, оболтус?

Саня взял чайник, открыл кран. «Белая лошадь – горе не моё!» – сказал он несколько раз про себя. Он дал себе слово молчать. Потому что в последнее время все его разговоры с дядей Васей кончались ссорой. А мама потом переживала.

– Как же так, Санечка, – вздохнула тётя Таня, – ведь ты уже взрослый...

– Это точно – дурная голова ногам покою не даёт! – решительно заявил дядя Вася. Он всегда говорил решительно. Будто гвозди заколачивал. – Двадцать два года мужику, а он дурью мается, по лесу бродит!

– Это моя работа! – не выдержал Саня, а дядя Вася будто этого и ждал.

– «Ра-бо-та»! – грохнул он кулаком по столу. – Видали? Работа должна быть на работе, понял меня?

– Васька, прекрати! – рассердилась Елена Николаевна. – Не смей на него кулаком стучать!

– Заступайся, заступайся! – не прекратил дядя Вася. – Распустила недоросля!

– Я – недоросль?! – взвился Саня.

– Ты-ты!

– А вы!.. – сказал Саня и задохнулся от полноты чувств, потому что надо ведь ещё было найти слова, чтоб полноту эту выразить, не расплескав. – Вы – унтер Пришибеев! Вас забором надо обнести! Вам надо не в школе работать, а овощебазой заведовать!

– Сопляк! – взревел дядя Вася.

– Александр! Немедленно извинись! – приказал отец.

Но Саня не извинился.

– Хватит мной командовать! – решительно ответил он. – Хватит решать за меня, как мне жить и что делать! Я уже вырос, вы не обратили внимания?..

Свет в комнате они не включали, сидели в сумраке и молчали. Гудение троллейбусов на улице, шелест облетающего тополя, звон гитары во дворе – осенний, прощальный вечер. А кто прощается? И с кем? Непонятно, непонятно... Лёшка Исупов по-прежнему торчал на подоконнике (а птиц уже совсем не было видно в стемневшем небе), глядел в синюю темень за окном и молчал о чём-то, о чём-то грустил в этот вечер шумный, смешливый ученик шестого «Б» Исупов Алексей. А о чём, кто знает? И Кукарека притих отчего-то, забыл, что ему надо задать классному руководителю несколько волнующих душу вопросов о Бермудском треугольнике и пришельцах из космоса. А в глубине квартиры было «бу-бу-бу, бу-бу-бу...». Это старшее поколение обсуждало Александра Арсеньевича. «Ругают они его... всё время ругают...» – думал Кукарека и никак не мог понять, за что можно ругать такого замечательного человека.

В коридоре зазвонил телефон, Саня вздохнул и поднялся.

– Алло, – сказал он.

В трубке молчали, и по молчанию этому Саня как-то сразу догадался, кто это.

– Санечка, если меня, то я сейчас! – крикнула с кухни Елена Николаевна.

– Да это меня, меня... – торопливо отозвался Саня, прикрыв трубку ладонью.

– Александра Арсеньевича можно? – наконец спросили там.

– Можно, – сказал Саня. – Это я.

– Здравствуйте... Это говорит Юля Петухова из десятого «А». Скажите, пожалуйста, а Женя у вас?

– У нас...

– А его мама потеряла...

– Он у нас... – зачем-то повторил Саня, после чего снова помолчали.

– А мама говорит, если он у вас, то пусть идёт домой, а то он, наверно, вам надоел совсем уже...

– Нет, ещё не совсем...

– А мама говорит, что уже поздно...

– Я провожу...

Молчание. Потом:

– А мама говорит, что это неловко...

– Почему?

– Потому! – отчаянным голосом сказала Петухова Юля. – Мама говорит, чтоб я сама за ним шла, чтоб вас не затруднять!

И тут, вместо того чтобы сказать Петуховой Юле, что его это вовсе не затруднит, Саня принялся подробно объяснять, как до него удобнее добраться...

– Сейчас за тобой сестра придёт, – сказал он Кукареке, поспешно закинув под стол рюкзак.

– У, зараза! – рассердился младший брат. – Нигде житья от неё нету.

– Мама тебя потеряла, при чём тут Юля?

– Ага, мама! Мама сегодня на дежурстве! Это Юлинская привередничает...

Лёша спрыгнул с подоконника.

– Я пойду. Завтра – как всегда?

– Да, на вокзале, – кивнул Саня, лихорадочно оглядывая свою комнату: надо было успеть прибраться. И он почти успел, когда снова позвонила Петухова Юля и виноватым голосом сообщила, что она заблудилась: трамвая долго не было, и она решила идти пешком, напрямик.

– Как вы шли, вспоминайте!

– От кинотеатра дворами...

– Какими? Приметы назовите!

– Ну... Там бельё висело на верёвке... Синяя такая рубашка. А в соседнем дворе в футбол играли. Один – Валера...

– Какой Валера?

– Малыш... В футбол играл, в шапке с помпоном. А его мама домой всё звала...

– А ещё?

– Ещё – гаражи, а на них две кошки... За гаражами пустырь какой-то, а посередине телефонная будка зачем-то стоит... Я из неё звоню...

– Ясно, – сказал Саня. – Сейчас мы за вами придём.

– Собирайся, живо, – велел он Кукареке. – Юлю пойдём искать.

– Очень надо! – недовольно засопел тот. – Звали её?

Они вышли в ясный осенний мрак. Во дворе, под тополем, печально звенели струны, там, под тополем, пели горестно и страстно:

Уходит капитан в далёкий путь,

Не видя девушки из Нагасаки...

В толпе голосов сразу слышен был один, сильный, красивый, – голос трудного подростка Шамина. Голос этот, легко и медленно летящий в темноте над двором, будто не замечал надсадных, дурацких слов песни, он пел о чём-то другом – и слушать хотелось... Но всё вдруг смолкло разом, смешалось – это Шамин заметил Саню, и над двором разнеслось:

Фраер ходит в галстучке зелёном,
Ждёт тебя, тоскуя, у ворот,
Только он надеется напрасно,
Это ясно...

Это Сане посвящалось, сомневаться не приходилось: трудный подросток терпеть не мог учителя географии.

Они долго бродили в темноте по дворам, но в конце концов им повезло.

– А я тебе говорю – домой! – кричали из форточки.

– Ещё рано! – упрямылся в темноте мальчишеский голос.

– Валера, ты слышал, что я тебе сказала?!

– Ну, мам!

– Нечего мамкать, домой!

– Ну мамочка!

– А уроки сделал?

– Сделал!

– Не ври!

– Ну мамусенька!

– Чтoб через десять минут был дома, – сдался взрослый голос.

– Через пятнадцать! – ответил невидимый во тьме Валера и умчался в глубину двора, где неистово лупили по мячу и вопили гневно: «Толик, пас!»

– Вон гаражи, – сказал Кукарека. – Только кошек уже нет... Что они, дуры, что ли, сидеть и ждать...

За гаражами действительно был пустырь, заросший высокой полынью, а в центре пыльного пространства странно светилась новенькая телефонная будка, светилась не электричеством будто, а оттого, что внутри её был огонёк: Петухова Юля в алой ветровке. Петухова из десятого «А» была тихая, серьёзная девочка, смуглая, темноглазая, совсем не похожая на своего белобрысого, конопатого брата.

– Замёрзли? – почему-то сердито спросил Саня. Впрочем, он был сейчас не Саня, а Александр Арсеньевич.

Юля помотала головой.

– Ну пойдёмте. Я вас провожу...

Они пошли сквозь сухие, пыльные заросли полыни. Молчали. Кукарека унёсся куда-то вперёд, Александр Арсеньевич шёл рядом с Юлей и понимал, что необходимо немедленно заговорить. Сказать что-нибудь такое... Взрослое, серьёзное, что положено говорить учителю при встрече с ученицей. Например: «Н-да, вот скоро вы кончите школу... Этот год у вас решающий, Юля». Или: «Вы уже решили, Юля, куда будете поступать?» Но Александр Арсеньевич упорно молчал, и лицо у него было очень сердитое, будто он собирался поставить Петуховой единицу. Так дошли до дома и остановились у подъезда. Нужно было сказать: «До свидания» – и идти домой. Но Александр Арсеньевич стоял и продолжал молчать. И Петухова молчала тоже. А Кукарека носился где-то.

– Ну, я пошёл... – произнёс наконец Александр Арсеньевич.

– До свидания... – ответила Юля.

Постояли ещё. Лицо Александра Арсеньевича приняло вдруг отчаянное выражение. Он сказал:

– Мы завтра в лес идём... Пойдёте с нами?

– Пойду... – сказала Юля.

...Назавтра было ветрено и хмуро. На переменах за Александром Арсеньевичем ходили и канючили:

– Ну пойдём всё равно, а?

Географический кружок всю неделю жил в ожидании субботы, когда можно будет схватить рюкзаки и – прощай, мама, прощай, школа, прощайте, дома и улицы...

А Александр Арсеньевич и не думал отменять выход: в лесу было много дел. Надо было устраивать зимнюю стоянку, надо было расчистить исток речки Ути, основательно загаженный за лето «дикими» туристами. Надо было готовиться к соревнованиям по ориентированию. Ну и просто – хотелось в лес...

Из электрички они вышли прямо в пасмурный, тёмный вечер. Звёзд в ночи не было. Лес впереди стоял сгустком холодной, пугающей тьмы и молчал насторожённо. Лес никого не ждал сегодня. Но через пустое, продутое ветром поле двигалась к нему цепочка путешественников. Впереди Александр Арсеньевич – учитель географии, а за ним – ученики, упрямые, непослушные дети, которым в этот унылый вечер не сиделось дома, тянуло в леса...

Дались же им эти леса!.. Это пустое, неприветливое небо. Эти тучи. Эти звёзды за тучами. Какое всё это имеет отношение к географии?

География – это красиво! Дальние страны, лежащие где-то там, за горизонтом, за тридевять земель, «ревушие» сороковые широты, горы и водопады!.. А здесь что? Лес да поле с оврагом, дорога в выбоинах...

А Саня шёл да шёл по дороге, глубоко вдыхая ночной, влажный ветер. Иногда приходилось зажигать фонарь. В резком жёлтом свете блестели рядом напряжённые тёмные глаза Кукареки, ночь окружала его страхами, он жался к учителю. От этих лесных страхов отвлекало Кукареку только то, что сразу за ним шёл вундеркинд Боря и постоянно наступал ему на пятки.

Они сошли с дороги, вошли в лес. Сразу потянуло речной свежестью. Маленькая речка Утя чуть слышно бежала рядом с ними среди травы и деревьев, и Саня даже засмеялся тихонько – так ему вдруг стало легко и счастливо. Отчего? Кто его разберёт... Вот шагают они все вместе по ночному лесу, и земля пружинит под ногами, а город, каменный, замкнутый со всех сторон своими стенами и крышами, остался где-то вдали, и там уже ложатся спать... А в середине цепочки легко ступает по траве Петухова Юля из десятого «А», и это почему-то неуловимо, непонятно меняет всё в мире, делает его ещё прекрасней, и хочется идти, идти, хочется, чтоб не кончалась тропа, и этот лес, и ночь эта...

А Исупов Лёша шагал в самом конце цепочки, думал о своём и не замечал ни леса, ни осени... «Что же делать? – отчаянно думал Исупов. – Что мне делать?.. Виталя маленький, глупый, он не поможет, я один...» Ночь была, никто не видел несчастное Лёшино лицо, а утром оно стало уже обычным: он придумал.

Он бегал со всеми на тренировку, чистил речку, заготавливал дрова. Никто не знал, что с завтрашнего дня ученик шестого «Б» Лёша Исупов начинает новую жизнь...

День прошёл быстро, как всё хорошее. И как всё хорошее, кончился он плохо: опоздали на электричку. Перед самым отходом дежурный Толик Адыев отправился мыть посуду и неопостижимым для себя образом вместе с котелками и кружками ушёл в соседний лес. Искали долго, а следующая электричка шла только через полтора часа... Дома всем попало. А больше всех, конечно, Сане.

Даже мама сказала ему:

– Ты меня в гроб вгоняешь!

А уж про Арсения Александровича и говорить нечего.

– Александр! Ты поднял на ноги всю школу! Мне оборвали телефон: где ты? Где дети? Что случилось? И я не знал, что отвечать, Александр! Александр! Это возмутительно!

Кончилось тем, что Арсений Александрович проклял сына и его педагогическую деятельность.

Саня обиделся и ушёл спать – ему с утра надо было на уроки, а, кроме того, завтра ведь предстоял малоприятный разговор с директором школы, надо было копить силы...

– Что показывает барометр? – поинтересовался он, входя в родной шестой «Б».

– Штормит! – жизнерадостно отозвался шестой «Б».

– Дома сильно попало?

– Сан Сенич, а я на стоянке одеяло забыл!

– Молодец! – похвалил Александр Арсеньевич рассеянного. – К уроку готовы?

– Сан Сенич, – сразу зашумел шестой «Б», – а куда сегодня поплывём?

– Тихо! Сегодня будем открывать Америку.

– Ур-ра!

– Тихо, я сказал! Сдвигайте парты к стене, Атлантический океан – на пол... Кто будет держать небо?

На этот вопрос шестой «Б» реагировал без восторга: скучное это было занятие – держать над океаном карту звёздного неба...

– Нет добровольцев? Назначаю по списку: Васильев, Козаченко, Кравченко, Пименов...

– Я в прошлый раз держал! – возмутился Васильев.

– Извини, забыл. Вовик Смирнов, значит, твоя очередь страдать. Быстренько.

«Атланты» нехотя побрели за картой.

– Девочки почему-то никогда не держат! – попенял один из них.

– Не почему-то, а потому, что они девочки, – объяснил Александр Арсеньевич. – А тяжёлой работой должны заниматься мужчины.

Шестой «Б», толкаясь и споря, устраивался на полу, вокруг «океана».

– Выходим из Лиссабона, – сказал Александр Арсеньевич, оглядывая свою юную команду. – Дежурный штурман, где астроябля? Компасы спрячьте, их ещё не изобрели... Экипаж, по местам!

– Стойте! – с отчаянием закричал штурман. – Они опять небо не так держат!

– Всем четверым сейчас двойки поставлю! – грозно пообещал Александр Арсеньевич. – Шутники!

«Атланты», ухмыляясь, развернули небо на сто восемьдесят градусов...

И сразу где-то совсем рядом тяжело и зовуще загремел прибой, загудел ветер. Капитан взбежал на мостик и отдал приказ поднять паруса. Команда бросилась на рей, парусина захлопала под ветром, засвистели снасти... Шестой «Б» ушёл в океан. Туда, туда, вдаль, в синь, в ветер, где лежали среди зыбей ещё не открытые материки...

Поэтому, когда на перемене вошёл в класс маленький величественный человек, он увидел только сгромождённые парты, за ними, в пустом пространстве, четырёх учеников, держащих над головой небесный свод, а откуда-то снизу, из-за парт, несло сосредоточенное сопение...

– Так... А остальные где изволят быть? – грозно спросил он.

– Да здесь мы, – донёсся откуда-то снизу голос учителя географии.

– Александр Арсеньевич, отпустите учеников, уже давно был звонок на перемену, – сурово сказал Арсений Александрович, а это был именно он. – И после уроков зайдите ко мне...

– Хорошо, – отозвался Александр Арсеньевич без особой, надо сказать, радости.



Если кто-то решил, что Арсения Александровича вызвали в школу из-за плохого поведения Александра Арсеньевича, то это неверно. Тут придётся кое-что разъяснить, чтоб не возникло путаницы.

Всем известно о существовании многочисленных трудовых династий. Есть у нас в стране потомственные хлеборобы, и потомственные сталевары есть. А Саня (Александр Арсеньевич то есть) был потомственным учителем...

Вообще-то в детстве он мечтал стать путешественником, но отец (учитель истории) и мама (учитель литературы и русского языка) считали эту Санину мечту совершенно несерьёзной. Они считали, что сын должен пойти по их стопам.

Когда Саня закончил школу, его несерьёзная мечта, естественно, пришла в столкновение с серьёзной и выношенной мечтой родителей. Саня упрямылся и твердил, что в учителя не хочет. Родители тоже упрямылись. По этому поводу был созван семейный совет, который уместнее будет назвать просто педсоветом, ибо, кроме отца и мамы, на нём присутствовали: дядя Вася (учитель химии), тётя Таня (учитель младших классов) и Аристотель (так во все времена, из поколения в поколение, звали Матвея Ивановича ученики; Аристотель был старинным, ещё со студенческой скамьи, другом отца и соратником).

Отец разъяснил Сане, что в наше время, когда на карте совсем не осталось белых пятен, быть путешественником просто глупо. Мама сообщила Сане, что труд учителя самый благородный (она и представить себе не могла, как это её единственный, ненаглядный сын, такой слабенький, такой домашний, будет бродить где-то там, от неё далеко, голодный, холодный, неухоженный!.. Заблудится, свалится в пропасть или дикие звери его задерут! Нет уж! Никаких этих ужасных путешествий! Сын должен быть дома, с мамой).

– На геодезический он пойдёт! – со свойственной ему прямоотой сказал дядя Вася. – А в армию так не хочешь?

– Василий! – грозно оборвала брата Елена Николаевна. – Перестань говорить глупости. У мальчика месяц назад было сотрясение мозга!

– Вот в армии ему его мозги и вправили бы! – тонко пошутил дядя Вася.

– А может, и правда не надо... – жалостливо сказала тётя Таня. – За что мальчику мучиться?..

Тётя Таня знала, что говорила: сама она мучилась в школе вот уже двадцать лет.

– Дети – они ведь такие... – со вздохом продолжала она. – Непослушные... А Санечка – мальчик тихий, домашний. Разве он справится?..

– Не хочу учителем! – с отчаянием повторял Саня. Это был его первый в жизни спор с родителями, он действительно был мальчик тихий и послушный. Даже в сложный период переходного возраста не проявлял агрессивности и на авторитеты не посягал: ни тебе драк с ровесниками, ни битых стёкол, ни поздних приходов домой... Чудо-мальчик, образцово-показательный ребёнок, каких теперь и в кино не увидишь...

И тогда в разговор вмешался Аристотель. Он всё сидел и молчал, сидел и молчал, а тут вдруг заговорил... То есть попросту устроил ужасный скандал: решительно поставил на место дядю Васю, отрёкся от друга юности, а Елене Николаевне сказал гневно:

– А уж от тебя, Лена, я такого не ожидал!..

И ушёл, не прощаясь.

– Мотька, Мотька, ну подожди! – нёсся за ним по лесенке растерявший обычную величественность Арсений Александрович. – Ты с ума сошёл, подожди, давай поговорим!..

– Я не могу тебе помешать искалечить сыну жизнь, Арсений, – загремел на лестнице Аристотель. – Но уж уволь меня от трогательных объяснений, почему ты хочешь это сделать! И поищи себе другого историка, я с тобой работать не желаю!

– Лена, собирайся, – велел Арсений Александрович, вернувшись из подъезда, – пойдём к этому дураку...

– Уж это точно, – хмыкнул дядя Вася, – дурак! Да не дурак – сумасшедший он! Как ты его терпишь, Сеня?

– Вася, – ответил Арсений Александрович близкому родственнику, – если ты не хочешь, чтоб я тебя спустил с лестницы, замолчи! Танюша, извини, мы ушли, ужинайте с Александром...

Так решилась Санина судьба: он поступил в горный.

Самое же странное во всей этой истории было то, что, закончив первый курс, Саня вдруг забрал документы и перешёл в педагогический...

В заключение надо сказать, что год назад, с отличием закончив институт, Саня пришёл работать в школу, где учился и где работали его отец и мама.

Отец, между прочим, работал директором...

Исупов Лёша опоздал на первый урок, прогулял второй, а на пятом сидел и пел песни. Естественно, что с урока его выгнали и отправили к Лоле Игнатьевне. Естественно и то, что вместо того, чтобы пойти, как было велено, к директору, Александр Арсеньевич отправился к завучу – спасти своего ученика. Ему удалось смягчить Лолу Игнатьевну, и для Лёшки всё обошлось благополучно.

– Я надеюсь, Исупов, такого больше не повторится, – миролюбиво закончила она беседу. – Я надеюсь, что всё это – нелепая случайность. Ты всегда был хорошим учеником, поэтому мы прощаем тебе этот срыв... Исупов хмуро глядел в угол и молчал.

– Ты чего это творишь? – сердито спросил его Саня, когда вышли из кабинета, но тут на него испуганным ветром налетела секретарша Верочка и зашептала:

– Кошка скребёт на свой хребет! Иди скорей, он ждёт!

«Белая лошадь – горе не моё...» – пробормотал про себя учитель географии и пошёл к разгневанному директору.

Скажем честно – Саня трусил...

Вчера опоздал на электричку... Позавчера поддержал бунт в девятом «В»... Ничего хорошего от разговора с отцом ждать не приходилось. Только и надежды было на магическое заклинание, с детства отводившее от Сани несчастья.

И помогло: в кабинете директора, помимо сумрачного Арсения Александровича, присутствовал ещё и Аристотель. Это было уже полегче.

– А-а! – радостно приветствовал он Саню. – Явился, герой!

Саня вошёл в кабинет и стал у порога.

– Проходите, присаживайтесь, – официально предложил ему отец.

Саня прошёл, присел.

– Я слушаю вас, Арсений Александрович, – не менее официально сказал он.

Директор школы грозно смотрел за окно, на воробья, который скакал по ветке. Воробей, заметив это, замер и с интересом уставился на директора. Взгляды их скрестились. Воробей не выдержал первым, чирикнул и перелетел на другое дерево. Директор перевёл взгляд на сына.

– Я вас уволю, Александр Арсеньевич, – неприязненно пообещал он.

– А я на вас жалобу напишу, – склочно заметил сын. – На вас и на порядки, которые вы завели в руководимой вами школе...

– Павлик Морозов! – восхитился Аристотель. Разговор отца и сына доставлял ему большое удовольствие.

Директор печально покачал головой.

– Слушай, Александр, – задумчиво спросил он сына, – ты картину такую видел – «Иван Грозный и сын его Иван»?

– Видел, – хмуро согласился Саня. – И «Тараса Бульбу» я читал...

– Молодец, – кивнул Арсений Александрович. – Грамотный. А что такое «педагогическая этика», знаешь? Объясняли тебе в институте?

– Ну, допустим...

– Так какого ж ты чёрта?! – взорвался Арсений Александрович.

– Сеня и Саня, я в восторге от вашей лексики, – усмехнулся Аристотель. – Не молчите, миленькие. Продолжайте, продолжайте...

– Матвей, не устраивай балаган, я тебя не за этим позвал, – сердито сказал директор другу юности. – Александр, ты соображаешь, что творишь?

– Я-то соображаю! – запальчиво ответил Александр Арсеньевич. – А вот некоторые...

– Некоторые – ничего не соображают! – кивнул понятиливо Арсений Александрович. – Интересно, кто же эти некоторые?

– Мы, Сеня, – пояснил Аристотель, потягиваясь в кресле. – Разве ты не понял?

– Матвей Иванович, к вам это не относится.

– Благодарю, мой юный друг, – хмыкнул Аристотель. – Сеня, я тут, оказывается, ни при чём. Это ты ничего не соображаешь. – Он с любопытством взглянул на Саню. – Интересно жить на свете, Сеня!

– Полагаешь?

– Всего несколько лет назад твой сын был милейшим, тишайшим существом – и вот полюбуйтесь! Откуда что взялось!

Арсений Александрович горестно махнул рукой:

– Я проклял тот день, когда этот человек пришёл работать к нам в школу!

– Я к тебе не просился, – огрызнулся Саня. – Ты сам настоял.

– Если б я знал... Если б я мог предположить... Александр, ну что с тобой происходит?..

Этот роковой вопрос в последнее время мучил многих. В школе ведь все помнили Саню тихим, вежливым мальчиком, с которым все десять лет никто горя не знал. Да и когда он учился в институте, всё было так славно, безоблачно. Кто бы предположил тогда, в какого бунтаря и мятежника превратился этот мечтательный, замкнутый юноша, всё свободное время проводивший за книгами.

Несчастья начались ровно год назад, когда Саня наотрез отказался идти в аспирантуру. Семейный педсовет впервые оказался бессильным. С неизвестно откуда взявшейся (и потому пугающей) решительностью Саня заявил родителям, что теория ему изрядно надоела, пора заняться практикой.

«Я не для того учился, чтобы всю жизнь заниматься бумажками», – сказал он. На вопрос: «А для чего?» – ответить вразумительно он не сумел, но твёрдо стоял на том, что пойдёт работать в школу, причём в сельскую. Трудно описать, что тут было с Еленой Николаевной. Она плакала, твердила, что Саня её совсем не любит, и обещала умереть... С превеликими трудностями удалось ей добиться от сына следующего: в аспирантуру он всё-таки поступит (ну, хоть через год, хоть заочно!) и ни в какое село не поедет – он отличник, он имеет право выбирать, и нельзя, нельзя ему, у него же было сотрясение мозга, он же находится под наблюдением врача!.. И оказался Саня в родной школе, под мудрым присмотром родителей. Знали бы родители, что из этого выйдет... Впрочем, в первой четверти на него нарадоваться не могли: такой милый, такой славный! И уроки у него интересные! И с детьми он ладит! До чего же прекрасный сын у Арсения Александровича! И вдруг на одном из педсоветов этот славный юноша ни с того ни с сего процитировал Гоголя Николая Васильевича, великого русского писателя: «Леность и непонятливость воспитанника обращаются в вину педагога и суть только вывески его собственного нерадения: он не умел, он не хотел овладеть вниманием своих юных слушателей...»

Педсовет озадаченно промолчал. Только у окна кто-то пробормотал с обидой, что пусть бы этот Гоголь пришёл бы к нам в школу да поработал маленько – хоть литературу бы почитал бы восьмым классам, а там бы мы на него поглядели... Присутствующие бодро рассмеялись, давая тем самым понять, что не заметили бестактной выходки юного коллеги: ох уж эта моло-

дая уверенность в том, что всё умеешь и понимаешь лучше всех!.. Ничего, это пройдет, с кем не бывало.

Увы, дальше было хуже: молодой учитель перешёл от слов к действиям.

Первым его деянием был скандал из-за пятиклассника Толика Адыева. «Это слабоумный ребёнок, – сказала классная. – Надо хлопотать о переводе в спецшколу». Арсений Александрович поморщился и взглянул на Аристотеля. Аристотель стучал по столу карандашиком и медленно краснел. Он не умел говорить сразу, но никто из присутствующих не сомневался, что он всё-таки заговорит. Однако Аристотель и рта не успел раскрыть, как вскочил Александр Арсеньевич. Чего греха таить – он нагрубил. Адыева ни в какую спецшколу, разумеется, не перевели, а с классной руководительницей была истерика, она плакала и кричала:

«Пусть он его себе возьмёт и попробует! На чужом-то горбу хорошо в рай!.. Если он директорский сын, так ему всё позволено?!»

«Дурак, – обругал после педсовета Александра Арсеньевича отец, – орать-то зачем так было? Спокойно нельзя?»

«Нельзя», – буркнул сын.

«Адыева в свой класс возьмёшь?»

«Возьму».

Но и на этом подвиги Александра Арсеньевича не кончились. Причём раз от разу становились всё ужаснее. В середине года ему пришлось в голову сцепиться с учителем труда, человеком простым и незатейливым, в качестве педагогического воздействия применявшим иногда лёгкое рукоприкладство. Александр Арсеньевич дважды разговаривал с ним, но трудовик продолжал воспитывать как умел. Тогда произошло нечто совершенно недопустимое. Официальной огласки история эта, к счастью, не получила. Но неофициально весь педагогический коллектив знал, что учитель географии вызывал в коридор учителя труда и, вежливо поинтересовавшись, за что он ударил пятиклассника Васильева, в ответ на: «За дело, а тебе-то что?» – дал ему пощёчину.

«Ты можешь ударить человека?! – с ужасом спрашивала потом Елена Николаевна. – Ты, учитель, интеллигентный человек!»

На что Александр Арсеньевич, по слухам, ответил:

«Если интеллигентный человек это тот, кто спокойно смотрит, как унижают, то я неинтеллигентный...»

Именно в этот период Арсений Александрович понял, что лучше бы, ох, лучше сын стал путешественником...

И только Аристотель глядел на Александра Арсеньевича влюблённо и твердил: «Оставьте его в покое, он педагог от бога! – чем, надо сказать, только укреплял антирелигиозные настроения окружающих.

Надеялись, что за лето молодой учитель одумается, повзрослеет. Но вот и новый учебный год начинается как-то скверно: класс бунтует, а учитель географии его поддерживает. И ведь считает, что прав!

– Слушай, – сердито сказал Саня директору школы, – вы кого воспитать хотите?

– Мы! А вы, значит, тут ни при чём!

– Нет, скажи, ты когда-нибудь задумывался над этим?

– Нет! – с сарказмом отозвался Арсений Александрович. – Будь уверен, что за двадцать лет работы в школе я ни разу ни о чём подобном и не думал. Устраивает тебя такой ответ? Дальше что?

Саня вскочил:

– Нет, ты понимаешь или нет, что это ужасно?.. Ну кого, кого мы воспитываем?! Учитель назвал ученика придурком, класс решил, что оскорблён не один, оскорблены все, и правильно решил! А мы их ломаем, мы твердим: «Сами виноваты, извинитесь»! А за что?

Почему? Гордость, чувство собственного достоинства ученикам не положены, так, да?

– Красиво говоришь, – покачал головой Арсений Александрович. – Да больно любите вы все о собственном-то достоинстве. Собственное у них есть, не волнуйся. А вот есть ли у них чувство чужого достоинства, интересно знать... Сдаётся мне, они про такое и не слыхали...

– Да откуда ж, если вы, взрослые...

– Стоп! – сказал Арсений Александрович. – А себя-то ты куда относишь, Александр?

– Никуда! – запальчиво ответил Саня. – Я – просто человек!

– Та-ак... – даже растерялся директор школы. – А мы, по-твоему, кто?

Саня вызывающе молчал.

– Слышь, Матвей, мы и не люди, оказывается... Мы – так... Взрослые... – Арсений Александрович грустно посмотрел на сына: – Погляжу я, Александр, что ты об этом лет через десять будешь говорить...

– Если я когда-нибудь почувствую, что мне хочется сказать ученику: «Придурок, выйди вон из класса!» – я сразу застрелюсь! – хмуро ответил сын.

– Ну, – удивился Аристотель, – зачем же так сразу?.. Лучше просто сменить работу...

– Может быть, да только никто не меняет.

– Послушай, Александр, а что, у учителя не бывает оснований выйти из себя? – рассердился Арсений Александрович. – Он ведь не железка, он живой, ему обидно бывает, больно...

Саня убеждённо сказал:

– Основания бывают. Только права у него такого нет. Во всяком случае, если он действительно учитель.

Он учить должен – работа у него такая. А из себя пусть выходит в свободное от работы время.

– Bravo! – пробасил Аристотель.

– Матвей! – сморщился Арсений Александрович. – Уймись! Можно подумать, что он сказал что-то новое и оригинальное!

– Ну, миленький Сеня, все основательно забытое приходится открывать снова и с большими муками. А эта простая мысль забыта настолько основательно, что в ней действительно есть прелесть новизны... Пусть этот славный юноша продолжит!

– Интересно, в Царскосельском лицее, – продолжил Саня, – мог учитель позволить себе обратиться к ученику, к князю Горчакову например, так: «Выйди из класса, бестолочь, и без родителей не появляйся»?

Арсений Александрович с интересом взглянул на сына.

– А ты демагог высокого класса, – похвалил он. – Но только эта твоя сногшибательная, но, извини меня, совершенно дурацкая аналогия не убеждает.

– Почему это?

– А потому! Лицей был закрытым дворянским пансионом. Братьев царя, если помнишь, там планировалось обучать. Так что это было нетипичное учебное заведение...

– А если у нас не закрытый дворянский пансион и учим мы не братьев царя, а просто детей, то давайте будем хамить друг другу?! – закричал Саня. – Уважение, понимание, обыкновенная вежливость – это необходимо, когда воспитываешь братьев царя, значит? А нам – что? Нам не надо – у нас типичное учебное заведение!..

– Хорош, ох, хорош сынок вырос! – хлопнул в ладоши Аристотель. – Ты смотри, Сенька!

– Матвей, не лей масло в огонь! Повторяю, у меня тут не Царскосельский лицей...

– Чем хвалишься, безумец! – вздохнул Аристотель.

– Ты мне лучше скажи, что теперь делать! Лола их почти утихомирила, а этот поборник справедливости, этот великий педагог вмешался и всё испортил! Так что я совершенно официально поставлен в известность, что, пока перед Соколовым не извинятся, они посещать биологию не будут.

– Так, значит, надо извиниться, – пожал плечами Аристотель. – Сеня, каковы ж мы будем, ежели чёрное назовём белым? Нам верить не будут.

– Легко сказать – извиниться! Ты что, Лялю не знаешь?

– Знаю я Лялю, – осерчал вдруг Аристотель. – И знаю, что это с ней не в первый раз. Ты вот что... Не вмешивайся, я сам с ней поговорю. А то ведь самолюбие какое!

– Своё бережёт! – зло сказал Саня. – А других унижает.

– Ох, замолчи! – сморщился, как от зубной боли, Арсений Александрович. – Глаза бы мои на тебя...

На столе зазвонил телефон.

– ...не глядели, – договорил директор уже в трубку. – Нет, это я не вам, здравствуйте! Да, это я. Слушаю... – Судя по выражению лица, ничего приятного ему не говорили. – Знаете что, – вдруг сказал он, явно не желая больше это неприятное слушать, – я им занимаюсь. Но, кроме него, у меня ещё три тысячи учеников! И не пытайтесь переложить свою работу на школу. Нет, именно ваша! А я говорю – ваша! Не волнуйтесь, я свои обязанности знаю, чего и вам желаю. Семнадцать. А я вам говорю – семнадцать у меня трудных подростков! Опомнились: Яцкевич и Анисимов весной школу закончили. Вот именно! Нет, уж пусть их теперь по месту жительства учитывают, до свидания.

– Поздравляю тебя! – повернулся Арсений Александрович к другу. Вчера твой Шамин опять побывал в милиции. Учинил в парке драку. Сделал ты мне подарок. Не хотел, не хотел я его в десятый брат, а ты!.. Собрал шпану!

– Он не шпана! – нахмурился Аристотель. – Он – талант, и мы ещё гордиться будем, что он у нас учился!

– Полагаешь? – директор задумался. – Вот молчу, – проговорил он, – скрываю, что у меня в школе этих трудных подростков, чёрт бы их взял, на самом деле не семнадцать...

– А сколько? – удивился Аристотель.

– Восемнадцать. – И директор школы искоса взглянул на сына.

– Ты домой, надеюсь? – спросил Арсений Александрович сына.

– Домой.

– «Мамину каторгу» захвати, если нетрудно. Я-то, верно, поздно вернусь...

«Маминой каторги» – тетрадей по литературе, тоненьких – малышей и толстых, накопилось много. Аристотель взялся помочь своему юному другу.

– Матвей, останешься на ужин! – решительно заявила Елена Николаевна. – А пока займись воспитанием Сашки...

Саня против этого ничего не имел и утащил Аристотеля к себе. Но не прошло и пятнадцати минут, как Елена Николаевна появилась на пороге, расстроенная, сердитая, и протянула Аристотелю оранжевую общую тетрадь:

– Полюбуйся!

Тетрадь принадлежала Шамину.

– Что опять? – насторожился Аристотель.

– Я тебе прочитаю... Я просила их написать, что они думают о гибели Пушкина... – И она прочитала: – «23 сентября. Самостоятельная работа. Дуэль и смерть Пушкина. Дуэль происходила у Чёрной речки на окраине Петербурга. Утром 27 января 1837 года. На месте дуэли прочистили дорожку на расстоянии двадцати метров. Секундантом Пушкина был Данзас. Дантес стрелял первым. Он попал А. С. Пушкину в живот. После дуэли Пушкина привезли домой и положили на диван. Александр Сергеевич Пушкин умер 29 января 1837 года».

– Всё... – сказала Елена Николаевна и закрыла тетрадь. – Матвей, как же так?..

Аристотель молчал и мрачнел.

– Да ладно вам! – пожал плечами Саня. – Нашли из-за чего расстраиваться... Это же Шамин, чего от него ждать.

Сам Саня от Шамина не ждал ничего хорошего. Они недолюбливали друг друга – учитель и ученик. То есть, пока Саня не был учителем, отношения их складывались вполне доброжелательно: в детстве Шамин Юра был толстым беззащитным мальчиком. Во дворе его почему-то постоянно били. А Саня за него заступался. Ну, не то чтобы лез в драку – он никогда не дрался, – а просто разгонял малышня, кричал: «А ну отстаньте от него!» – уводил к себе домой... Потом, когда Шамин принялся бегать из дома, Саня часто прятал его у себя (дома Шамина тоже били), подкармливал... И вдруг в одно лето Шамин вытянулся, раздался в плечах, и его вечно пьяный отец стал жаловаться во дворе: «На родителя, щенок, руку поднимает!» Саня в эту пору кончал институт, а Шамин – восьмой класс, каждый был занят своим, но, встретившись во дворе, оба в ту пору ещё улыбались друг другу: «Привет, Саня!» – «Привет, Юрик!..»

Отношения испортились в прошлом году. Испортились беспричинно, вдруг, когда Саня пришёл вести географию в девятый «А». Поначалу Шамин не доставлял Сане хлопот, на уроках сидел тихо, слушал внимательно (чем не многие учителя могли похвалиться) и даже не отказывался отвечать, когда его спрашивали (что тоже, в общем, было редкостью). Но потом вдруг почувствовал Саня на себе его внимательный, наблюдающий взгляд. Пристально, недобро смотрел Шамин и даже предпринял попытку сорвать у Сани урок. Девятый «А» трудного подростка не поддержал, к новому учителю относились с симпатией.

Вечером они поговорили в подъезде. Разговор получился короткий и скверный.

«Юрик, ты чего?» – спросил Саня.

Шамин взглянул на него исподлобья, сплюнул и сказал: «А пошёл ты!..» – и больше на уроках географии не появлялся. А во дворе пел вслед Сане песню про фраера, который ходит в галстучке зелёном... Обидно это было и непонятно. «Ну и чёрт с тобой, дурак деревянный!» – решил Саня. – Мне-то что?..»

– Дай-ка мне, Лена, эту тетрадку, – сумрачно попросил Аристотель. – И другие дай почитать...

Вечер был испорчен: Аристотель сидел и читал работы своего десятого «А», молчал, мрачнел и в конце концов ушёл, отказавшись ужинать.

Тихий ангел, что ли, пролетел над школой поутру – так спокойно, так чинно начались уроки...

Не было скандалов из-за сменной обуви. Не было свалки в раздевалке. Опоздавших почти не было. Даже старшеклассники в то утро не дымили в туалетах, а дисциплинированно выходили курить на улицу, за угол...

В то утро Ляля Эдуардовна пришла в девятый «В», вздохнула и сказала:

– Соколов Паша, ты извини меня, пожалуйста...

Девятый «В» остолбенел, будто играл в «замри». Первым признаки жизни обнаружил маленький взъерошенный Соколов.

– Ой... – произнёс он, внезапно съехав с юного баритона на фальцет. – Что вы... Да я... Это!

– Знаешь, так устаю к концу уроков, что уж и сама не знаю, что говорю... – виновато развела руками Ляля Эдуардовна.

– Да что вы!.. – испуганно закричал Соколов. – Да правильно вы про меня сказали! Да я выучу, Ляля Эдуардовна, честно!

– Это вы нас извините! – приходя в себя, загудел класс.

Только Боря Исаков сидел и молчал с отрешённым видом: в субботу и в понедельник он в школу не ходил. Родители были в командировке, а без них появляться в школе ему было не

велено. Он и не появлялся. Зато вчера вечером Исаков-старший нанёс визит завучу, и нынче Исаков-младший на законных основаниях пришёл на уроки. Но как-то непривычно молчал и сосредоточенно думал о чём-то...

Урок биологии в девятом «В» прошёл в идеальной тишине, все слушали внимательно.

– Боже мой, – сказала потом в учительской Ляля Эдуардовна, – какие дети у нас славные... Умные, добрые...

– Какие? – переспросила старенькая химичка, не расслышав.

– Славные! – горячо повторила биологичка. – Замечательные дети!

– А-а, да... Добром это не кончится... – как-то не к месту отозвалась старушка.

– Ася Павловна, к чему такой пессимизм! – хохотнул физкультурник Дмитрий Иванович. – Всё будет о'кей!..

В этот миг странно тенькнуло стекло в окне, прощально позванивая, обрушились на паркет осколки... Футбольный мяч, протаранивший стекло, красиво и мощно ударил по стойке для журналов, отлетел к столу, сшиб чернильный прибор и врезался в стену чернильным боком...

– Как вы, Дима, сказали? – переспросила Ася Павловна, за звоном стекла последних слов опять недослышав.

Тихий ангел в это мгновение, прощально махая крыльями, отлетел в небесную высь, и школьная жизнь вошла в свою привычную, ухабистую колею... Например, буквально через десять минут выяснилось, что восьмой «Д» поголовно не готов к химии. Старенькая Ася Павловна, хоть и проработала в школе всю жизнь, привыкнуть к таким катаклизмам не сумела и ушла с урока в учительскую плакать... Она ещё не успела вытереть слёзы, как туда же прибежала, стуча каблучками и звонко рыдая, Бедная Лиза и крикнула:

– Ах нет! Я этого не вынесу! Зачем я пошла в пединститут?!

– Лизавета, деточка, кто тебя? – забыв о своей обиде, бросилась к ней Ася Павловна.

– Котенко! – прорыдала Бедная Лиза.

На листе из тетради в клеточку десятиклассник Котенко Владимир застенчиво, но решительно объяснялся Елизавете Георгиевне в любви. И это был не первый случай. Солидные и мужественные ученики старших классов постоянно влюблялись в юную литераторшу и принимались срывать уроки физкультуры: физкультурник Дмитрий Иванович имел нахальство обожаемую старшеклассниками женщину провожать домой...

– А реветь-то чего ж? – удивилась Ася Павловна. – Ты вот что... Скажи ему: раз любит, пусть бороду свою ужасную сбреет. Это где видано – ученик с бородой!..

На большой перемене пятый «А» подрался с пятым «Г» из-за металлолома. Пятый «Г» будто бы утащил у пятого «А» кровать, кто-то из пятого «А» видел это собственными глазами. Разумеется, пятый «А» пожелал возвратить своё, кровное, а пятый «Г» не захотел отдать...

Потом была неприятность с Исуповым из шестого «Б»: он на уроке поджёг расчёску...

Александр Арсеньевич своего ученика опять спас, но настроение у него испортилось: Лёша ему надерзил и вообще смотрел на классного руководителя как на врага... Злыми, чужими глазами смотрел. Будто это не он, не Лёша Исупов, всего несколько дней назад сидел у Сани в комнате, пил чай и болтал ногами...

Пятый «Д», куда пошёл Александр Арсеньевич после неудачного разговора с Исуповым, сразу почуял его скверное состояние духа и торопливо зашелестел учебниками.

Александр Арсеньевич класс этот отчего-то недолголюбил, несмотря на то что пятый «Д» был отличный, дисциплинированный коллектив. Самый, между прочим, успевающий в школе.

У пятого «Д» было только одно несчастье: второгодник Вахрушев, которого все звали Хрюшкиным.

Классная руководительница пятого «Д» очень обижалась, что второгодника подсунули именно ей. Разве нет других пятых классов?

Сердился и сам пятый «Д»: пионерские отряды школы яростно соревновались (Арсений Александрович обещал, что победители в зимние каникулы поедут в Москву). Ах, как пятый «Д» хотел в Москву, а отвратительный второгодник Вахрушев, по прозвищу Хрюшкин, превращал эту желанную поездку в несбыточную мечту. Год только начался, а он уже умудрился получить семь двоек!

Конечно, с Вахрушевым боролись: и совет отряда с ним толковал, и «буксир» к нему прикрепили, и родителей классная вызывала. Но всё напрасно, всё как об стенку горох... Родители в школу не явились, от «буксира» Вахрушев бегал, а после того как мальчишки пятого «Д», движимые чувством справедливого негодования, отлупили его за школой и пригрозили, что ещё и не так дадут, если будет тянуть доблестный пятый «Д» в отстающие, Вахрушев будто осатанел: теперь он не просто получал двойки, теперь он получал их с наслаждением! И никто ничего не мог с ним поделать. И Александр Арсеньевич не мог: Вахрушев смотрел на него исподлобья напряжёнными кошачьими глазами и всё-всё делал наоборот...

Сегодня, например, он даже не счёл нужным подняться из-за парты, когда учитель вошёл в класс.

«Ну я тебе!» – рассердился Саня, у которого настроение и без того было скверное. И хотя с детства Елена Николаевна наставляла сына, что никогда ничего не надо делать под горячую руку, Саня не сдержался...

– Садитесь, – кивнул он. – Вахрушев, к доске.

Второгодник нехотя вылез из-за парты и побрёл между рядов. Он выслушал вопрос, взял указку и высокомерно взглянул на учителя...

– Ну? Я слушаю...

Вахрушев молчал.

Молчал и учитель географии. Молчал и всё больше заводился. А Вахрушев и не замечал этого его опасного настроения.

– Говорить, что ли? – с ухмылкой спросил он.

– Говори.

Вахрушев ткнул указкой в Африку и сказал, что это Антарктида.

– Хрюшка, кончай придуриваться! – негодуя возроптали одноклассники в предчувствии новой двойки, а может, даже и единицы.

Но Вахрушев, конечно, не послушался и придуриваться продолжал: показал на Атлантический океан, за явив при этом, что Антарктиду омывает Аральское море...

– Правильно, – кивнул Александр Арсеньевич. – Молодец.

Неожиданная эта похвала Вахрушева озадачила: он сбился и замолчал.

– А дальше? – заинтересованно спросил Александр Арсеньевич. Внутри у него всё кипело.

– Да не знаю я... – буркнул Вахрушев. – Вы мне лучше сразу пару ставьте.

– Доскребёшься, Хрюкодав! – с угрозой пробормотали в среднем ряду.

– Дай дневник, – велел Александр Арсеньевич и с мстительным удовольствием поставил второгоднику «пять».

– Чего это?.. – заморгал Вахрушев редкими рыжими ресницами.

– А ничего! – отвечал Александр Арсеньевич грозно. – Я тоже вредничать умею, запомни! – и на глазах у замершего от изумления пятого «Д» занёс несправедливую пятёрку в журнал.

– Санечка, к телефону, – позвала Елена Николаевна.

– Это вы?.. – неуверенно спросили в трубке.

– Это я... – подтвердил Саня, и они, как всегда, принялись молчать...

Наконец Юля отважилась и спросила:

– Простите, пожалуйста, а вы не знаете, откуда эта строчка: «Паситесь, мирные народы»?..

Саня знал: ведь мама ему с детства прививала любовь к русской литературе.

– А что там дальше? – как-то напряжённо поинтересовалась Юля.

– А вам зачем?

– Очень надо.

Саня сбегал за огромным старинным томом Пушкина:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды,
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя.
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич...

– Спасибо! – трагическим голосом поблагодарила его Юля. И, помолчав, добавила: – Мы так и знали!.. Он опять нас оскорбил!

Кто эти «мы», которых опять оскорбил «он», сомневаться не приходилось. Оскорблён был, конечно же, десятый «А». А оскорбитель был Матвей Иванович, Аристотель, – кто же ещё!.. Все другие учителя предпочитали с десятым «А» не ссориться – себе дороже. Десятый «А» был дружен, своеволен и злопамятен. Давным-давно, когда десятый «А» был ещё пятым «А», кто-то из учителей пожаловался на педсовете:

«Это не дети, а сплошные древние греки какие-то! Работать с ними невозможно!»

Жалоба не лишена была оснований. Классным руководителем в пятом «А» был Аристотель, историк, влюблённый в Древнюю Грецию. О ней он мог говорить часами (и, без сомнения, это делал), а пятый «А», конечно же, слушал развесив уши... Последствиями этого сверхпрограммного изучения античной истории были многочисленные и разнообразные хулиганские действия Аристотелевых учеников. Как-то само собой произошло, что пятый «А» разделился. На первом ряду собрались поклонники Спарты. На втором приверженцы афинской демократии. А на третьем утвердились скифы. Хитрые персы отсиживались на «Камчатке». Ряды воевали. Греко-персидские войны переходили в Первую Пелопоннесскую войну, которая, естественно, приводила ко Второй. Военные действия успешно развивались на переменах, захватывая порой и часть уроков. Главное сражение чаще всего происходило после занятий, в раздевалке. В результате Дария и Перикла влекли к директору, а второстепенные исторические лица отделялись замечанием в дневнике. Время от времени племена и народы объединялись для восстания против Аристотеля, тирана и деспота. Аристотель был могуч, Аристотель был несокрушим! Разгневавшись и разгромив Афинский морской союз, он твёрдой рукой наводил порядок на Пелопоннесе, а хитрые персы сдавались добровольно, лицемерно утверждая, что они больше так не будут... Пятый и шестой класс прошли в непрерывных войнах и бунтах. В седьмом ряды смешались: юная цивилизация выросла, набиралась опыта, менялись её представления о мире и о себе, рушились верные мужские дружбы до гроба, начиналось что-то непонятное... Дарий неизвестно за что поставил синяк Киру и пересел к Андромахе. Сократ

забросил философию, отставил в сторону чашу с цикутой и стал носить портфель Оли Ивановой из седьмого «В». Унылый маленький толстячок, которого дразнили Гекатомбой, вдруг вытянулся, научился играть на гитаре и превратился в грозного трудновоспитуемого подростка Шамина... После восьмого ряды поредели: хитрые персы ушли в ПТУ, Дарий поступил в суворовское, Кир – в художественное... Однако воинственный дух остался: десятый «А» решительно боролся за свои права и терпеть не мог, чтоб его поучали. Педагогический коллектив с этим смирился. Только Аристотель не желал по достоинству оценить своих воспитанников – говорил им колкости, делал всякие неуместные замечания... В общем, совершенно не считался с тем, что они уже взрослые, и продолжал угнетать.

– Мы сегодня сразу поняли, что он нам что-то очень унижительное сказал, – нажаловалась Саня Юля. – Даже поняли, что это из Пушкина, искали-искали... Но никто не нашёл – мы по первым строчкам искали... Но это ему так не пройдёт!

– Да что случилось-то? – с интересом спросил Саня.

Юля помолчала, размышляя – сказать или нет.

– А вам правда интересно?

Сане было правда интересно. И тогда Юля с горечью поведала ему об очередной возмутительной и оскорбительной выходке Аристотеля...

– Варвары! – заявил он им. – Бездарности!

Они молчали, не понимая, в чём дело.

– Серые, жалкие люди! – продолжал оскорблять Аристотель и при этом потрясал перед носом недоумевающего десятого «А» какой-то оранжевой общей тетрадь... – Для вас, для вас он писал! Верил, что услышите. Для тебя, Шамин!..

– Очень надо, – хмуро отозвался Шамин, который сразу понял, из-за чего весь этот сыр-бор пылает. – Про меня этот Пушкин знать не знал, и я его зубрить не желаю. «Я помню чудное мгновенье...», подумаешь?! А я не помню. Нудно же это, сознавайтесь! Кто сейчас так чувствует? Всё изменилось, жизнь совсем другая – какой ещё «гений чистой красоты», кому это нужно? Сейчас люди совсем другие, им смешно это! А мы наизусть должны учить да ещё делать вид, что балдеем! Да в гробу я видел это чудное мгновенье в белых тапочках!

Тут одноклассники на Шамина зашикали. Отчасти из-за того, что не все придерживались столь крайних взглядов, отчасти из-за Аристотеля, который слушал всё это молча, но как-то настораживающе молча...

– То, что ты во дворе поёшь под гитару, полагаю, более выражает чувства современников? – багрово краснея, поинтересовался Аристотель.

Десятый «А» знал, что, когда классный руководитель краснеет вот этак, признак это очень дурной и сейчас он скажет что-нибудь ужасное. Знал это и Шамин, но упрямо ответил:

– А что – нет? Не так красиво, зато правда, как в жизни.

Аристотель долго и пристально смотрел на Шамина, будто видел его в последний раз и хотел запомнить, а Шамин в ответ независимо ухмылялся.

– Смейся-смейся, – пробормотал Аристотель с сердцем. – Придёт твоё время – поплачешь, помяни моё слово, современник...

– Вы мне что, угрожаете? – осведомился Шамин.

– Нужен ты мне... – махнул рукой Аристотель. – Идите. Не желаю с вами разговаривать, классный час окончен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.